

Глаза Шэнь Цяо больше не были слепыми, поэтому он не мог обзнаться.

Смелость этого человека потрясала. Нарядившись в даосские одежды, он совершенно не изменил своей внешности, и с этим неизменным лицом сидел во дворце государства Чэнь на правах почётного гостя императора.

Как всем известно, династия Чэнь — территория конфуцианцев. Строго выражаясь, Жуянь Кэхуэй рассматривает её как лучшую пищу, от которой никому другому не дозволено отхватить ни кусочка. Примером тому может служить буддийская секта Тяньтай, которая также относилась к династии Чэнь, но была затмлена Институтом Линьчуань вплоть до полной утраты своего блеска.

В противостоянии один на один Янь Уши, естественно, не испытывал страха перед Жуянь Кэхуэем. Но так или иначе, даже могучий дракон не сможет справиться с местными змеями. Величественный глава секты Хуаньюэ под прикрытием посетил дворец владыки Чэня, задумав силой захватить убежище сторонников конфуцианства и навлечь на себя их гнев — было бы очень неприятно, если бы такая молва распространилась. По мнению Шэнь Цяо, не было ни малейшей необходимости вешать себе такой камень на шею.

Как и обычно, Янь Уши оставался Янь Уши. Действуй он в соответствии с ожиданиями других, то перестал бы быть самим собой.

Вероятно, из-за того, что Шэнь Цяо слишком долго смотрел на Янь Уши, его заметил и сидящий рядом даос из храма Баймэнь. Он склонил голову и прошептал:

— Дао Шэнь, ты знаешь вон того даоса?

— Нет. Я совсем недавно прибыл в Цзянькан и как раз собирался попросить дао Чжан познакомить меня с остальными.

— Я узнаю только двух человек напротив тебя. Это даосы из столичного храма Ланьшуй. Их храм ещё более ветхий, чем наш Баймэнь. Как только эти двое сумели зачаровать императорских посланников, чтобы пробраться сюда!

Шэнь Цяо не знал, то ли смеяться, то ли плакать: его единоверцы не переставали принижать друг друга. Хотя даосизм — это путь долголетия за пределами мирского, в действительности ему следуют самые разные сердца и умы. Многообразие изобилует.

— Насколько мне известно, Его Императорское Величество уже приглашал к себе даосов ранее. Полагаю, Его Величество остался не особенно доволен?

— Его Величество стремится обрести бессмертие, и логично, что за советом ему нужно было обратиться к даосам. Но эти конфуцианские учёные решительно воспротивились этому. Из

всех даосских храмов в столице самый большой — Дунхай, и первоначально Его Величество искал монахов именно оттуда. По слухам, конфуцианцы прознали, что обсуждение с даосскими бессмертными шло полным ходом, и этот омерзительный Жуянь Кэхуэй попросил вдовствующую императрицу прибегнуть к давлению, чтобы дискредитировать методики бессмертия монахов из храма Дунхай на месте и изгнать их из дворца.

В словах даоса Чжана чувствовалась радость от чужой беды.

— Если бы не это, то откуда бы у нас взялась возможность проявить себя? Те даосы из храма Дунхай жаждали вырваться вперёд, поэтому их и изгнали с такой лёгкостью. А вот если бы все даосы Цзянькана объединились, Институт Линьчуань был бы нам нипочём!

«Боюсь, даже все вы вместе взятые не сможете справиться с Жуянь Кэхуэем», — подумал Шэнь Цяо.

— Раз дела обстоят так, почему при входе во дворец нам не встретился ни один человек из Института Линьчуань?

— Ты здесь недавно, неудивительно, что не знаешь. Вскоре после вступления на престол правитель Шисина поднял восстание. Жуянь Кэхуэй отправился подавлять беспорядки в первых рядах армии, а вдовствующая императрица взяла на себя координацию центра войск и управление делами двора. Однако она не вынесла знойной погоды и переселилась в отдельный дворец, откуда и правит сейчас.

Шэнь Цяо вдруг осознал: нет ничего необычного в том, что император действовал без оглядки. Поистине, когда в горах нет тигра, то и обезьяна будет государем.

— Думается мне, если вдовствующая императрица обо всём узнает, то обрушит свой гнев отнюдь не на императора?

— Всё в порядке. Мне удалось выяснить, что, хотя вдовствующая императрица посвятила себя конфуцианству, против буддизма и даосизма она ничего не имеет. Не то что этот консервативный старикан Жуянь Кэхуэй, которому не терпится начисто вытравить буддизм и даосизм с земель государства Чэнь! Зная, что он пользуется благосклонностью императора, нам остаётся только говорить и действовать осторожно, чтобы ни в коем случае не спровоцировать скандал.

По натуре он не был плохим человеком и без утайки делился с Шэнь Цяо всем, о чём знал. Даже если в ближайшем будущем вдовствующая императрица разгневется и начнёт бросаться обвинениями, человеческие сердца не смогут устоять перед соблазном продвинуться по лестнице богатства и почестей. И неважно, что даосские монахи из храма Дунхай были изгнаны совсем недавно — по первому зову императора старые места вновь заполнились до отказа.

Конечно, в запасе имелся ещё один фальшивый даос.

Шэнь Цяо не удержался от очередного взгляда на Янь Уши. Тот сидел невозмутимо, сдвинув брови в отстранённом спокойствии. Поистине элегантность того, кто так или иначе уразумел Дао.

Через некоторое время под аккомпанемент приветственных песнопений и поклонов евнухов из-за ширмы появился молодой человек с небольшими усиками над губой.

Люди поднялись со своих мест и склонились в поклонах.

Темп Владыки Чэня не был ни медленным, ни быстрым, в нём чувствовалась присущая аристократам непринуждённость. Во многом эта вековая походка отражала выдающийся и безупречный ритм двух Цзинь. В глазах многих почитателей власть имущих, именно так должны вести себя высокопоставленные лица.

Остальные даосы явно не отвлекались на обдумывание таких мелочей. С прибытием императора все они начали прокручивать в уме свои надежды добиться его расположения и взойти на вершину.

Владыка Чэнь сел и первым делом задал даосским монахам вопрос:

— Мы прочли все литературные труды мудрецов. Конфуцианцы ценят человеколюбие и чувство долга, буддисты уделяют внимание перерождениям, и только даосы придают значение текущей жизни. Какие возвышенные мысли могут высказать даочжаны по этому поводу?

На близких к императору местах располагались те, чьё мнение представляло для него наибольшую ценность. Собравшиеся давали ответы по порядку.

Один из даосов по фамилии Линь сказал:

— Буддисты придерживаются идеи о трёх жизнях, что подразумевает существование предыдущей и грядущей жизни. Но кому дано ощутить и доказать, что так называемые накопленные добродетели в предыдущей жизни обеспечили ему процветание в нынешней? Даосы отвергают такую теорию. Причина, по которой Ваше Величество занимает место Сына Неба, заключается в том, что вы являетесь воплощением Императорской звезды Цзы-вэй. Раз так, то какая предыдущая и грядущая жизнь может быть у Императорской звезды? Поэтому этот бедный даос считает, что такие утверждения абсурдны! Небеса наделили Ваше Величество талантом, и если вы проявите усердие в своём совершенствовании, отчего бы не вознестись на небо среди бела дня и не вступить обратно в ряды небожителей?

Владыка Чэнь казался чрезвычайно заинтересованным:

— По мнению даочжана, как именно Нам нужно совершенствоваться, чтобы вернуться на небо?

— Э-э, даосский метод совершенствования основан на способах развития внутренней силы и дополняется драгоценными эликсирами, помогающими найти путь к бессмертию. Этот бедный даос обладает огромным опытом и глубокими познаниями в алхимии и готов служить Вашему Величеству.

— Отлично, отлично! Тогда как же Нам найти эти тайны развития внутренней силы, о которых ты говоришь?

На лице даоса Линя проступило смущение.

— Стыдно сказать, но у каждого человека есть свои сильные стороны. Этот бедный даос целиком сосредоточен на выплавлении эликсиров и мало что знает о развитии внутренней силы. Но ведь есть такие многовековые даосские секты, как гора Сюаньду и храм Цинчэн! Если Ваше Величество пошлёт к ним кого-нибудь, я уверен, они не разочаруют вас.

Шэнь Цяо потерял дар речи, видя, как даос Линь затягивает посторонних в болото вслед за собой.

Однако Владыка Чэнь лишь холодно фыркнул.

— Гора Сюаньду приняла дарованный Северной династией титул и, как говорят, даже намеревается возвести свой храм в Чанъане. Какими великими знаниями могут обладать обычные прихвостни Северной династии? Впрочем, послать кого-нибудь на гору Цинчэн для проверки всё же можно. Если И Бичэнь окажется способным, Мы сможем последовать примеру горы Сюаньду и присвоить ему титул, разрешающий служить при императорском дворе!

Вдруг кто-то из сидящих насмешливо хохотнул.

Чэнь Шубао окинул их гневным взглядом и вскричал:

— Кто это был?!

Не обращая ни малейшего внимания на гнев монарха и настороженность стражников, Янь Уши отставил чашу с вином и медленно произнёс:

— Я смеялся над неспособностью Вашего Величества распознать золото и нефрит. Вполне понятно, что здесь присутствует высокообразованный человек, но вы отказываетесь от близкого в погоне за дальним. Слава И Бичэня пуста, его победил Ху Лугу — что же в нём такого великого?

— О? - Чэнь Шубао криво улыбнулся. - Выходит, человек, о котором ты говоришь, это ты сам?

— Вовсе нет.

Чэнь Шубао появился на свет как старший ребёнок императрицы, благодаря чему ему достался титул наследника престола. Не считая испуга, испытанного им при первом восхождении на трон, весь его путь складывался гладко. В его жизни не случилось разочарований и неудач, и неудивительно, что он ни во что не ставил окружающих. Учитывая, что он император, такое отношение считалось вполне нормальным.

Янь Уши не стал дожидаться, пока его собеседника охватит злость, и тотчас указал в направлении Шэнь Цяо.

— Император ищет выдающегося человека, но не видит его перед своими глазами.

Шэнь Цяо наконец-то понял, зачем Янь Уши прокрался в это место.

Чтобы устроить скандал из ничего. Говоря по-простому, учинить кавардак.

«Неужели побег ранил его так сильно, что он решил отомстить таким образом?» - мысль сама собой посетила Шэнь Цяо, и на его сердце легла печаль.

Внимание Владыки Чэнь обратилось к человеку, на которого указывал Янь Уши.

Едва завидев его, он не сдержал почти неслышного вздоха.

Шэнь Цяо сидел у входа, и поскольку туда падал слишком яркий свет, император его не заметил. При ближайшем рассмотрении же он обнаружил, что человек этот сравним с душистыми травами и яшмовыми деревьями.

Владыка Чэнь не мог не спросить:

— Кто ты и в каком даосском храме обучаешься?

Раз уж всё так сложилось, Шэнь Цяо не мог притвориться, что не услышал его. Он выпрямился и формально сложил руки.

— Спасибо Вашему Величеству за этот вопрос. Бедный даос Шань Цяоцзы проделал путешествие с севера и временно проживает в храме Баймэнь.

Гнев императора на высокомерие Янь Уши заметно рассеялся. Более того, с Шэнь Цяо он вёл

беседу гармонично и приятно, а на лице его играла улыбка.

— Раз даочжана так смело рекомендуют, значит, во внешних кругах он пользуется безупречной репутацией. Быть может, Мы просто не слышали о тебе?

— Ваше Величество оказывает мне слишком много чести. Этот бедный даос — не более чем простофиля без имени и значимости. Я не знаю, почему этот дао порекомендовал меня.

Мяч был отбит обратно.

Однако император Чэнь пропустил это мимо ушей, так как полностью потерял интерес к Янь Уши. Он продолжил расспрос:

— Есть ли у этого даочжана какие-либо успехи в выплавлении эликсира бессмертия?

Шэнь Цяо покачал головой.

— Этот бедный даос не искусен в алхимии и практикует только один путь совершенствования.

— Какой это путь?

— Путь саттвы.

Это та же самая чепуха, которую он изрекал ранее дворцовому посланнику. Теперь, перед лицом императора, он снова изложил всё слово в слово.

— Что такое путь саттвы?

— Чем больше обычные люди занимаются совершенствованием, тем больше они подчёркивают важность очищения сердца и укрощения желаний, отдаления от бренного мира во имя достижения Дао. Однако на моём пути необходимо окунуться в великолепие мирской жизни и сполна испытать на себе все богатства и блага человеческого общества, насладиться и прочувствовать их каждой частичкой тела. Лишь тогда станет возможным достичь просветления.

Поскольку вид у него был весьма серьёзный и благоговейный, никто и не заподозрил, что он бездумно несёт чепуху, а только удивлялся своему неведению о таком пути совершенствования.

Янь Уши со смешком сделал ещё один глоток вина и про себя отметил: «Мой А-Цяо научился дурачить людей, даже не подавая виду».

Владыка Чэнь был вне себя от радости:

— Разве это не тот путь, который Мы уже давно неустанно повсюду ищем? Мы просим даочжана задержаться во дворце и обучить нас!

— Этот бедный даос скитается по четырём сторонам света и не имеет постоянного пристанища. Сегодня он пришёл во дворец единственно потому, что ощутил искреннее влечение Вашего Величества к Дао и захотел рассеять ваши сомнения. Прошу простить меня, Ваше Величество.

— Слова даочжана несколько противоречивы, – рассмеялся император. – Поскольку ты практикуешь путь саттвы, для тебя естественно любить богатство и роскошь светского мира. Мы можем одарить тебя всем этим сполна, так почему же ты уклоняешься? Потому ли, что приотпускаешь, чтобы вернее схватить, или потому, что хочешь выразить согласие, но делаешь вид, что отказываешься?

Этот молодой Сын Неба не любит править и предпочитает наслаждаться удовольствиями, но это не значит, что он не обладает блестящим умом. Напротив, он добился исключительных успехов в игре на цине, шахматах, каллиграфии, живописи, пении, танцах и поэзии, и его смело можно называть гением среди правителей. В этом смысле он был намного разностороннее Ян Цзяня.

Шэнь Цяо сохранял хладнокровие.

— Слова Вашего Величества ошибочны. Не обязательно предаваться безделью во дворце, чтобы следовать пути саттвы. Разве вы не слышали об огромном количестве покрытых багровой пылью мест, где можно совершенствоваться, вроде публичных домов и трактиров? Сверх того, сейчас этому бедному даосу посчастливилось взглянуть на небесный лик Вашего Величества, и этого уже достаточно. Но есть кое-что, чего я не могу не озвучить.

Брови императора приподнялись.

— Говори же.

— Путь саттвы касается не только мирских богатств, но и благосостояния всего народа в предметах одежды, пищи, жилья и средств передвижения. Пусть первое любимо всеми, Ваше Величество, как повелитель государства, не должен забывать о втором.

Так называемый «путь саттвы» представлял собой плохо слепленную выдумку для проверки императора. Шэнь Цяо не ожидал, что последний в самом деле засияет от радости. В глубине души он чувствовал некое разочарование, поэтому добавил последние слова, чтобы дать ему совет.

Владыка Чэнь не одобрил этого.

— Даочжан слишком много беспокоится. С твоим обликом бессмертного блуждать без крова — то же самое, что растрачивать дар небес. Если хочешь давать Нам советы, непременно оставайся здесь и говори с Нами о Дао днями напролет.

К концу слова стали звучать двусмысленно и побуждали воображение разбушеваться.

Шэнь Цяо нашёл их странными, но никогда бы не подумал, что император имеет необычные намерения по отношению к нему. При личной встрече он почувствовал, что этот человек вовсе не так хорош, как о нём рассказывают. Хотя государство Чэнь обосновалось на юге и по величине территорий не уступало северу, поведение Чэнь Шубао очевидно не дотягивало до поведения Ян Цзяня.

На севере шумно точили ножи. Ян Цзянь занимался умиротворением сюнну и стабилизацией своего двора; Чэнь Шубао не принимал участия в борьбе с восстанием и предпочитал заниматься поисками эликсира вечной жизни. С такими темпами уже через несколько лет победитель будет определён.

Двое мужчин обменивались вопросами и ответами, как если бы других людей в помещении не существовало. Нетерпеливые даосские монахи уже давно испытывали недовольство, и один за другим вставляли в разговор то одно, то другое слово. Одни заступались за императора и обвиняли Шэнь Цяо в непонимании милости государя, вторые спешили порекомендовать себя императору, уверяя, что они способнее Шэнь Цяо.

Янь Уши вдруг усмехнулся.

— А-Цяо, теперь ты понимаешь, почему я не возлагаю никаких надежд на Южную династию?

Прежде чем Шэнь Цяо успел что-то сказать, кто-то другой ответил:

— Кто бы мог подумать, что глава Янь и мастер Шэнь посетят нас сегодня. Надеюсь, вы простите меня за то, что я не вышла поприветствовать вас.

Посреди разговора вошла женщина, окружённая большой свитой слуг и стражников.

Владыка Чэнь взглянул на неё и изменился в лице. Он сразу же поднялся и почтительно сложил руки.

— Приветствуем матушку-императрицу!

Посетительницей была вдовствующая императрица династии Чэнь, Лю Цзиньянь, младшая

сестра Жуянь Кэхуэя.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14532/1287430>